

Приданое / рассказ

Category: Некаýалар, Китарсу

написано китарсу | 23 января, 2025

Приданое / рассказ ПРИДАНОЕ

Никто не удивился женитьбе мэтра Симона Лебрюман на мадмуазель Жанне Кордые. Мэтр Лебрюман только что купил нотариальную контору мэтра Папийона; для покупки, разумеется, требовались деньги, а у мадмуазель Кордые было триста тысяч франков наличными в банковых билетах и в ценных бумагах на предъявителя.

Мэтр Лебрюман был красавец мужчина и обладал известным шиком, шиком нотариуса, шиком провинциальным, но, как бы то ни было, шиком, а это редкость в Бутиньи-ле-Ребур.

Мадмуазель Кордые отличалась грацией и свежестью, грацией немного топорной и свежестью немного грубоватой, но, в общем, она была красивая девушка, предмет вожделений и поклонения.

Их свадьба перевернула вверх дном весь Бутиньи.

Все восторгались новобрачными; они же поспешили укрыть свое счастье под супружеским кровом, решив просто-напросто совершить небольшое путешествие в Париж после нескольких дней уединения.

Это уединение было очаровательно: мэтр Лебрюман проявил на первых порах удивительную ловкость, деликатность и чуткость по отношению к жене. «Умение выждать – лучший путь к цели» – таков был его девиз. Он сумел быть одновременно и терпеливым и решительным. Успех был быстрым и полным.

Четыре дня спустя г-жа Лебрюман уже обожала своего мужа. Она не могла более обходиться без него, ей необходимо было весь день держать его подле себя, ласкать его, целовать, теревить за руки, за бороду, за нос и так далее. Она садилась к нему на колени и, взяв его за уши, говорила: «Открой рот и закрой глаза». Он доверчиво открывал рот, прикрывал глаза и получал отменно нежный, отменно долгий поцелуй, от которого у него по спине пробегали мурашки. И ему тоже не хватало ласк, не хватало губ, не хватало рук, не хватало всего себя, чтобы

выражать жене свои чувства с утра до вечера и с вечера до утра.

Когда миновала первая неделя, он сказал своей юной подруге:

– Если хочешь, поедem в Париж во вторник. Мы будем вести себя, как любовники, а не как супруги: будем ходить по ресторанам, по театрам, кафешантанам – всюду, всюду.

Она запрыгала от радости:

– Да! Да! Поедем как можно скорее!

Он добавил:

– Кстати, не надо забывать о делах; предупреди своего отца, пусть он держит приданое наготове: я захвачу его с собою и заодно расплачусь с мэтром Папийоном.

Она ответила:

– Я скажу ему завтра утром.

И он сжал ее в объятиях, возобновляя ту нежную игру, которая так полюбилась ей за истекшую неделю.

В следующий вторник тесть и теща провожали на станции дочь и зятя, уезжавших в столицу.

Тесть говорил:

– Уверяю вас: это неосторожно – везти столько денег в портфеле.

Но молодой нотариус улыбался.

– Не беспокойтесь, папаша, я к этому привык. Сами понимаете, при моей профессии приходится иногда держать при себе чуть не миллион. Благодаря этому мы по крайней мере избегаем множества формальностей и проволочек. Не беспокойтесь.

Станционный служащий объявил:

– Пассажиры на Париж! Занимайте места!

Они бросились в вагон; там оказались две пожилые дамы.

Лебрюман прошептал жене на ухо:

– Какая досада, не придется покурить! Она ответила чуть слышно:

– Мне тоже очень досадно, только по другой причине. Поезд засвистел и тронулся. Переезд длился час, но супруги разговаривали мало, так как старушки не спали. Как только они очутились на площади вокзала Сен-Лазар, мэтр Лебрюман сказал

жене:

– Если хочешь, дорогая, съездим сначала на бульвар позавтракать, а потом не спеша вернемся на вокзал за багажом и отправимся в гостиницу.

Она тотчас же согласилась:

– Конечно, поедem завтракать в ресторан! Это далеко?

– Да, довольно далеко, но мы сядем в омнибус.

Она удивилась:

– А почему не взять фиакр?

Он стал шутливо журить ее:

– Так-то ты экономишь? Фиакр на пять минут, по шести су за минуту – какая широкая натура!

– Правда! – сказала она, немного смутившись.

Приближался большой омнибус, запряженный тремя лошадьми.

Лебрюман закричал:

– Кондуктор! Эй, кондуктор!

Тяжелая карета остановилась. И молодой нотариус, подсаживая жену, сказал ей скороговоркой:

– Входи внутрь, а я заберусь наверх, хоть одну папироску выкурю до завтрака.

Она не успела ответить; кондуктор взял ее под руку, помог подняться на ступеньку, втолкнул внутрь, и она, растерявшись, повалилась на скамью, с недоумением глядя в заднее окошко на ноги мужа, карабкавшегося на империал.

Потом она замерла в неподвижности между толстым господином, пахнувшим табаком, и старушкой, пахнувшей псиной.

Все остальные пассажиры, молча сидевшие в ряд, – лавочник, работница, сержант-пехотинец, господин в золотых очках и шелковом цилиндре с огромными полями, загнутыми в виде водосточных желобов, две хмурые и важные дамы, которые всем своим видом словно говорили: «Мы, правда, находимся здесь, но заслуживаем лучшего общества», – две сестры милосердия, девушка без шляпки и факельщик – все они казались собранием карикатур, музеем гротесков, вереницей шаржей на человеческие лица и напоминали шеренгу тех смешных паяцев, по которым стреляют в ярмарочных тирах.

Толчки омнибуса слегка встряхивали их, раскачивали им головы,

отчего их дряблые щеки дрожали; грохот колес их одурманивал, и они казались придурковатыми, сонными.

Молодая женщина была подавлена.

«Почему он не сел со мною вместе?» – думала она. Ее томила смутная грусть. Право, он мог бы отказаться от своей папироски.

Сестры милосердия знаком попросили остановиться, затем одна за другую вышли, распространяя затхлый запах старых юбок.

Поехали дальше, потом снова остановились. Вошла багровая, запыхавшаяся кухарка. Она уселась и поставила себе на колени корзинку с провизией. В омнибусе запахло кухонными очистками.

«Однако это дальше, чем я предполагала», – подумала Жанна.

Факельщик вылез, и его заменил кучер, благоухавший конюшней.

Девушку без шляпки сменил рассыльный, от ног которого исходил аромат его беготни.

Жене нотариуса было не по себе, ее мутило, она готова была расплакаться, сама не зная почему.

Еще несколько человек слезло, несколько вошло. Омнибус все катил по бесконечным улицам, останавливался в определенных местах, отправлялся дальше.

«Как далеко! – думалось Жанне. – Только бы он не пропустил остановки, не заснул бы! Он очень устал за последние дни».

Постепенно вышли все пассажиры. Она осталась одна, совсем одна. Кондуктор крикнул:

– Вожирар.

Так как она не двинулась с места, он повторил:

– Вожирар!

Она взглянула на него, поняв, что возглас относится к ней, раз кругом больше никого нет. Кондуктор в третий раз сказал:

– Вожирар!

Тогда она спросила:

– Где мы?

Он сердито ответил:

– Да в Воржираре мы, черт побери! Я уже раз двадцать кричал вам.

– Это далеко от бульвара? – спросила она.

– Какого бульвара?

– Ну, от Итальянского.

– Давно проехали!

– Ах! Скажите об этом, пожалуйста, моему мужу.

– Мужу? А где он?

– На империале.

– На империале? Да там давным-давно ни души нет.

Она всплеснула руками.

– Как так? Не может быть! Он сел вместе со мною. Посмотрите получше, он, конечно, там.

Кондуктор начал фамильярничать:

– Ну, крошка, довольно болтать; один потерялся – десяток других найдется. Проваливайте. Хватит. На улице сыщете нового. У нее выступили на глазах слезы; она настаивала:

– Вы ошибаетесь, сударь, уверяю вас, вы ошибаетесь. У него под мышкой был толстый портфель.

Кондуктор расхохотался:

– Толстый портфель? Да, верно! Он сошел возле Мадлен. Нечего сказать, ловко он от вас отделался. Хо! Хо! Хо!

Карета остановилась. Она вышла и невольно, инстинктивно бросила взгляд на крышу омнибуса. Там было совершенно пусто. Тогда она громко расплакалась и, не думая о том, что ее слышат и смотрят на нее, пролепетала:

– Что теперь со мною будет?

Подошел контролер:

– Что случилось?

Кондуктор ответил с насмешкой:

– Да вот дамочку супруг бросил по дороге.

Тот ответил:

– Ладно, пустяки. Займитесь своим делом.

И отошел.

Тогда она побрела куда глаза глядят; от волнения, от испуга она не могла понять, что с нею стряслось. Куда идти? Что делать? Что с ним случилось? Чем объяснить такую оплошность, такую забывчивость, такое недоразумение, такую невероятную рассеянность?

В кармане у нее было два франка. К кому обратиться? И вдруг ей вспомнился ее кузен Барраль, столоначальник морского

министерства.

Денег хватало как раз на фиакр, и она велела везти себя к кузену. Она встретила его у подъезда: он отправлялся на службу. Так же, как и у Лебрюмана, у него под мышкой был толстый портфель.

Она выскочила из экипажа.

– Анри! – воскликнула она.

Он в недоумении остановился.

– Жанна?.. Здесь?.. Одна?.. Что с вами, откуда вы? Глаза ее были полны слез, она пролепетала:

– Мой муж пропал.

– Пропал? Где же?

– Только что, в омнибусе.

– В омнибусе? О-о!

И она, плача, рассказала ему о случившемся. Он выслушал ее в раздумье, потом спросил:

– А утром он был вполне в здравом уме?

– Да.

– Так! Много были при нем денег?

– Да. Он вез с собою мое приданое.

– Приданое?.. Целиком?

– Целиком... чтобы уплатить за контору.

– Ну, дорогая кузина, значит, ваш муж в настоящую минуту катит по направлению к Бельгии.

Она бормотала, все еще не понимая:

– Мой муж... Как вы сказали?

– Я говорю, что он украл ваше... ваш капитал... вот и все.

Она еле выговорила, задыхаясь:

– Значит... значит... он негодяй?

Потом, не помня себя от потрясения, она припала к жилетке кузена и зарыдала.

Прохожие стали останавливаться, глаза на них, поэтому он тихонько повел ее к парадному и, поддерживая за талию, помог ей подняться наверх. Когда изумленная горничная открыла дверь, он распорядился:

– Софи, сбегайте в ресторан, принесите завтрак на двоих. На службу я сегодня не пойду.

* * *

Напечатано в «Жиль Блас» 9 сентября 1884 года.

Ги де Мопассан. Собрание сочинений в 10 тт. Том 5. МП
«Аурика», 1994

Перевод Е. Гунст Некаýаlar